

Собинову приглашает Касторский

Владимира Касторского дня большинству из нас не говорит. А ведь не так давно еще ушло то время, когда его знала вся Россия. Великий бас Касторского ничем не уступал мощному басу Шаляпина.

Это были великие артисты той величины. Почему имя Касторского осталось в памяти музыкальной России, а имя другого осталось почти забытым – это сегодня трудно найти объяснение. Можно только сожалеть о странностях человеческой памяти и радоваться тому, что имя Касторского все-таки возвращается из забвения.

Вспомнить его помог... Собинов. Работая над артистическим собранием Леонида Витальевича, сотрудники музея встретили имя Касторского. А когда нашли большой материал, захотелось поделиться им с поклонниками оперного пения.

— Владимир Касторский стоял в первом ряду русских оперных певцов, — рассказывает директор музея Собинова Алла Сергеевна. — Наш земляк, которым мы можем гордиться. Такой уровень певцов в истории музыкальной культуры оставил только два — Собинов и Касторский. Родился он в селе Солях. Мальчиком пел в церковном хоре, зарабатывая 6 рублей в месяц. Так начинались многие русские певцы. Собинов уехал в столицу. Из консерватории его выгнали за плохую приемов русской школы пения. Касторский считал своим учителями великих итальянских певцов Карузо и Батстини. Но своей настоящей академией он всегда называл Мариинский театр. В программах Мариинского его имя чередовалось с именем Шаляпина —

они исполняли одни и те же партии. Говорили, что на этой сцене они были соперниками. Это были равные по таланту и известности личности. Они оба участвовали в Дягилевских сезонах. Западный зритель узнавал русскую оперу благодаря этим певцам.

Академик В. Л. Янин, большой знаток оперы и коллекционер, собравший множество старых пластинок, во время своего посещения дома Собинова высказал интересную мысль: Шаляпин был великий актер, но предсказуемый. Исполнение же Ка-

сторского всегда поражало новизной, он удивлял и был непредсказуем. Музыкальные критики — современники великих певцов тоже отмечали разницу исполнения ими одних и тех же партий, ценили Касторского за свежесть интерпретаций. Его голос невозможно было спутать ни с каким другим, он отличался неповторимой индивидуальностью тембра. Лучшим артистом называли Шаляпина, но лучшим вокалистом — Касторского.

В коллекции музея материалов, связанных с именем Касторского, не так много. Это

подлинные диски начала века и документы, поступившие от исследователя ярославской музыкальной культуры И. В. Озерского. Но главным собирателем материалов о Касторском стал Александр Пенкин. Он сумел составить из отдельных, разрозненных сведений подробную линию жизни певца. В судьбе Касторского было немало удивительных моментов. В годы Великой Отечественной все сбережения своей семьи — ценные подарки, бриллиантовые украшения жены — он отдал для помощи фронту, оставшись, по сути, нищим. Оценив патриотизм певца, Сталин прислал ему благодарственную телеграмму. Из Ленинграда Касторскому с женой пришлось эвакуироваться, а вот вернуться им было уже некуда — дом разбомбили. Свой век великий русский бас дожил в Доме ветеранов сцены.

Александр Пенкин сумел найти материалы даже в других странах. Из Англии он получил диск с отреставрированными записями Касторского — это лучшие на сегодняшний день записи певца. Они будут звучать на музыкальном вечере в доме Собинова, по традиции заведут и старые пластинки из музейных фондов.

Заканчивая разговор о всемирно известном ярославце, Алла Аносовская заметила:

— Почему мы забываем таких талантливых людей, почему так мало их ценим? Ведь они — гордость страны, отражение эпохи. Не нахожу ответа на этот вопрос. Один остроумный человек пошутил: «Про нас потомки скажут: «Они жили в эпоху Ксеньки Собчак»».

Не хотелось бы. И чтобы это не случилось, в доме Собинова звучат голоса тех, имена которых не стыдно мерить эпоху.

Марина ШИМАНСКАЯ.